

Н.В. СКОК

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА КАК СУБЪЕКТИВНЫЙ ФАКТОР СИСТЕМНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Рассматриваются современные теоретические концепции, анализирующие сущность и специфику феномена гражданской политической культуры. Раскрывается взаимосвязь между утверждением демократических институтов и соответствующих им политических ценностей в процессе демократического транзита.

The article considers modern theoretical conceptions which analyze the essence and the specific character of the phenomenon of civil political culture. It shows the interconnection between the assertion of the democratic institutes and political values corresponding to them in the process of the democratic transit.

Демократизация посткоммунистических обществ не дала ясного ответа на вопрос, чем является демократическая политическая культура – необходимой предпосылкой или же следствием демократии. Многие исследователи считают ее предпосылкой, но есть основания полагать, что такая культура представляет собой скорее результат длительного функционирования демократических институтов. Не существует какого-либо заранее заданного уровня политической культуры, который квалифицировал бы то или иное государство как демократическое. На самом деле общества, широко признанные демократическими, могут и не разделять ценностей, которые многие аналитики считают характерными чертами гражданской культуры.

Понятие «гражданская политическая культура» было введено в политическую науку Г. Алмондом и С. Вербой в сравнительном исследовании «Гражданская культура» (1963 г.). В этой работе была сформулирована одна из наиболее влиятельных и по сей день концепций гражданской культуры. Авторы концепции утверждали, что это не умозрительная конструкция, а действующая модель, воплощенная в политической культуре Великобритании и США. В целом она соответствовала принципам веберовского «идеального типа», к которому прибегали как Алмонд с Вербой при конструировании других политико-культурных моделей, так и остальные, ныне многочисленные исследователи рассматриваемого феномена.

Гражданская культура, согласно мнению Алмонда и Вербы, – это особый тип политической культуры, способствующий эволюционному развитию демократического общества и его полити-

ческой системы. Это смешанная культура, куда входят элементы приходской культуры, где доминирует приверженность «корням» и отсутствует осведомленность о государстве в целом; подданнической культуры, подразумевающей пассивное отношение человека к политической системе; и культуры участия, в которой члены общества ориентированы на систему в целом. «Подводя итоги, можно сказать, – писали Алмонд и Верба, – что самая поразительная черта гражданской культуры... ее смешанный характер. Это, прежде всего, смесь приходской, подданнической и гражданской ориентаций. Ориентация прихожанина на первичные отношения, пассивная политическая ориентация подданного и активность гражданина – все они сливаются воедино в гражданской культуре»¹. Демократия, рассуждают они, – это «смешанная политическая система», исполненная внутренних противоречий. Следовательно, и адекватная ей политическая культура (civic culture) может быть только смешанной: в противном случае она не сможет включить граждан, придерживающихся разных культурных ориентаций, в политический процесс и обеспечить стабильность.

Цель настоящей работы состоит в рассмотрении современных теоретических концепций, призванных служить теоретической основой для объективного описания всей комплексности и противоречивости переходных процессов в посткоммунистическом мире и прежде всего разрешить теоретическую дилемму, выражающуюся в постановке проблемного вопроса: что есть гражданская политическая культура и какова ее роль в становлении и консолидации современных демократических режимов?

Существенным источником теоретических построений, используемых при характеристике посткоммунистических реалий, оказывается категориальный аппарат, разработанный транзитологией с учетом богатого и разнообразного опыта демократизации в латиноамериканских и южно-европейских странах.

Два понятия играют ключевую роль в этих теоретических построениях – «переход к демократии» (transition) и «упрочение демократической системы», или «утверждение демократии» (consolidation). Как отмечает один из авторитетнейших транзитологов, автор многочисленных исследований политического развития в странах Латинской Америки Г. О’Доннелл, общий процесс демократизации состоит не из одного, а двух последовательных переходов: первый (transition) ведет к «установлению демократического правительства»; второй (consolidation) – к «утверждению демократии», или к «эффективному функционированию демократического режима». По сути дела, в первом случае речь идет о формировании институциональных основ демократической системы, обеспечивающих сменяемость политических лидеров посредством демократических процедур. Во втором случае имеется в виду упрочение самой демократии как общественно-политической системы, предполагающее приобщение подавляющей части общества (включая не только политические, общественные организации, институционализированные группы интересов, но и массовые слои населения) к ценностям демократии, осознание демократии как наиболее совершенной формы политического устройства по сравнению с другими его формами².

В процессе демократизации и функционирования демократического общества весьма значительную роль играет гражданское общество. И этот факт подтверждается множеством исторических примеров.

Гражданское общество представляет собой комплексное явление, регламентированное как нормами права, так и нормами морали, традициями, содержание которого определяется историческим опытом, национальными традициями, уровнем развития демократии и культуры. Это сфера свободной, творческой жизнедеятельности личности, коллективов и общностей людей. Разнообразие взглядов и подходов, мотивов и интересов, предельная индивидуализация форм общения и поведения в гражданском обществе не только допустимы, но и необходимы, желательны. Лишь полное и разумное самовыражение каждого человека рождает в обществе тот потенциал, который обеспечивает его динамическое развитие. Поэтому плюрализм существует прежде всего в гражданском обществе. Именно в нем призваны действовать многообразные политические силы, которые главным образом путем горизонтальных контактов, соглашений, терпи-

мости, взаимопонимания и т. д. должны достигать своих целей. Плюрализм осуществляется в пределах гражданского общества и способами, присущими цивилизованному взаимоотношению между людьми³.

Современную трактовку дилемме «гражданское общество – консолидация демократии» предложил Ф. Шмиттер, который утверждает несколько важных для понимания исследуемой проблемы гипотез.

Во-первых, по его мнению, «исторически гражданское общество зародилось, несомненно, в Западной Европе, его нормы и повседневная практика имеют отношение к консолидации демократии в любом культурно-географическом регионе мира, при условии, что акторы стремятся к демократии современного и либерального типа, иначе говоря – к конституционной, представительной демократии, контролируемой посредством многопартийных, состязательных выборов, терпимой к социальным/этническим различиям и уважающей права собственности»⁴.

Во-вторых, гражданское общество содействует консолидации демократии, но не является ее непосредственной причиной. Само по себе оно не может породить демократию или обеспечить существование уже возникших демократических институтов и норм. В демократическом процессе гражданское общество действует наряду с другими институтами, процессами и мотивациями.

В-третьих, существование гражданского общества не является необходимым предварительным условием крушения автократии, равно как и перехода к демократии. Лишь крайне редко подобное изменение режима осуществляется силами самих акторов гражданского общества.

Все же переход к демократии практически всегда сопровождается «воскрешением» гражданского общества (даже там, где прежде его, возможно, и не было). Как правило, это происходит *после*, а не *до* начала процесса перехода.

И последнее, для появления гражданского общества требуется артикулированная политика со стороны государственной власти и определенные привычные нормы жизнедеятельности частных (вос)производителей. Пожалуй, данный вывод является для зарубежной политологии самым востребованным. С учетом переоценки ею концепции гражданского общества делается вывод о том, что гражданское общество может содействовать упрочению демократии лишь в том случае, если следует определенным правилам. Одним из таких правил, судя по всему чаще всего нарушаемым в посткоммунистических обществах, и в особенности российском, является установление здоровых, взаимопользных отношений между гражданским обществом и властью.

С одной стороны, в рамках демократического устройства государство не должно ставить своей целью подавление гражданского общества, как это происходит в авторитарной и тоталитарной

системах, а должно видеть его специфическую роль в создании демократии. С другой стороны, гражданское общество должно быть заинтересовано в существовании не просто «ограниченного», т. е. не вытягивающего все жизненные соки из общества, государства, но и государства сильного, к которому можно не только адресовать требования, но и от которого можно ожидать, что благодаря своей силе оно эти требования способно удовлетворить. Современные зарубежные политологи сегодня подчеркивают, что ничто не наносит большего вреда развитию демократии и гражданского общества, чем слабое беспомощное государство.

Такой подход ставит в повестку дня пересмотр отношения к демократии как к «свертыванию» государства. Польский политолог Гж. Экиерт еще в начале 1990-х гг. отмечал, что переход к демократии наиболее вероятен в ситуациях, в которых сила государства и гражданского общества увеличиваются одновременно. Сегодня это мнение звучит в политологической литературе все чаще, все более убедительным образом обосновываясь анализом реальной (как позитивной, так и негативной) практики посткоммунистических трансформаций.

Ясно, что отказ от отношений с государством, основанных на принципах «игры с нулевой суммой», предполагает и утверждение соответствующей компромиссной культуры этих отношений. Гражданское общество не должно злоупотреблять узкоэгоистическими требованиями. Оно должно быть озабочено сохранением баланса между интересами общества в целом и интересами отдельных институтов и секторов гражданского общества в частности.

Фактически общепризнано, что поставлаторитарные и посттоталитарные трансформации и в целом демократические транзиты третьей «демократической волны» в основном явились результатом внутриэлитной динамики. Хотя те или иные формы массовой мобилизации сыграли свою роль в целом ряде конкретных случаев демократических транзитов, все же именно взаимоотношения между «старыми» и «новыми» элитными группами оказали преимущественное влияние и на сами процессы демократизации, и на формирование и функционирование демократических институтов в «переходных» обществах.

Вместе с тем с теоретической точки зрения очевидно и то, что демократия и ее институты и процедуры, по крайней мере в перспективе, должны нуждаться в легитимизации и массовой поддержке, что, в свою очередь, не может не основываться на распространении и закреплении в обществе соответствующих, т. е. демократических, политических ценностей и массовых политических ориентаций.

Говоря о демократических транзитах, следует обратить особое внимание на то обстоятельство,

что в массы и общество в целом не играли ключевой роли в самих процессах преобразований и трансформаций. Взгляды, ценности и ориентации самого общества были во всех случаях факторами во многом вторичными.

Однако это важное обстоятельство не укладывается в рамки традиционной теории демократии, которая исходит из прямой зависимости между демократией и ее институтами, их стабильностью и эффективностью, с одной стороны, и наличием в обществе массовых политических ориентаций и ценностей демократического характера – с другой. Более того, эта теория исходит из своего рода детерминированности демократии (в том числе вероятности ее возникновения и закрепления в обществе) определенными структурными культурно-ценностными предпосылками, без которых демократизация практически не имеет шансов.

И все же следует отметить, что политические акторы, принимающие свои решения и осуществляющие в ходе внутриэлитного взаимодействия те или иные практические политические шаги, от которых зависит ход демократического транзита, не могут не учитывать настроения и возможные ответные реакции общества, широких масс населения и не примериваться к ним. Тем самым массовые политические ориентации и ценности оказываются факторами, оказывающими пусть не прямое, косвенное, но все же реальное влияние на ход демократического транзита.

Строго говоря, демократические институты могут быть установлены без массового участия, однако существовать без массовой поддержки и опоры, в том числе в виде соответствующих политических ориентаций и ценностей, демократия не в состоянии. Именно в этом смысле есть все основания говорить о том, что консолидация демократии предполагает в том числе и выработку, и массовое принятие демократической политической культуры, ее ценностей, норм и ориентаций.

Заметим при этом, что в контексте демократического транзита между политическими институтами и политическими ценностями и ориентациями масс достаточно отчетливо выявляется двусторонняя взаимосвязь. С одной стороны, существование и практическое функционирование демократических институтов, так или иначе, пусть опосредованно, но оказывает свое воздействие на динамику и распространение массовых политических ценностей и ориентаций. Так, например, было в послевоенных условиях в Германии, Италии и Японии, когда в целом импортированные и отчасти буквально насаждаемые политические институты демократии постепенно вызвали изменения в массовом сознании, распространение и закрепление ценностей «гражданской культуры».

В более общем плане можно сказать, что новые демократические институты при всем их не-

совершенстве, формальном характере и неудовлетворительном функционировании создают тем не менее и практические предпосылки, чтобы политические акторы – индивиды и массы – действовали в соответствии с ними, в их институциональных рамках. А это, в свою очередь, оказывает воздействие и на эволюцию взглядов, ориентаций и ценностей самих политических акторов⁵.

С другой стороны, есть убедительные свидетельства и о том, что фактическое наличие и конкретное распределение в обществе и его подгруппах тех ценностей и ориентаций оказывают влияние на «прививаемые» обществу новые демократические институты, точнее говоря, на ту конкретную форму, которую они приобретают в новых общественных условиях, и на те конкретные функции, которые они начинают выполнять. В этом плане классическим примером может служить многолетнее исследование Р. Патнэма, продемонстрировавшее, что в той же Италии особенности функционирования местных муниципальных властных институтов (построенных, кстати говоря, в послевоенный период по одной общей демократической модели) напрямую связаны с особенностями регионального распределения ценностей и ориентаций «гражданской

культуры» среди населения тех или иных итальянских областей.

Таким образом, с точки зрения политической теории демократические институты и соответствующие им политические ценности в процессе демократических транзитов органично взаимосвязаны и оказывают двустороннее влияние друг на друга. При этом само движение к демократии может начинаться и без наличия соответствующих культурно-ценностных условий, однако консолидация демократии без них, скорее всего, не произойдет.

¹ Баталов Э. Я. Политическая культура России сквозь призму civic culture // Pro et Contra. 2002. Т. 7. № 3. С. 7–22.

² См.: Вайнштейн Г. И. Закономерности и проблемы посткоммунистических трансформаций // Политические институты на рубеже тысячелетий, XX в. – XXI в. Дубна, 2005. С. 136–170.

³ См.: Нисневич Ю. А. Информационный фактор политической модернизации // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. 2001. № 3. С. 91–101.

⁴ Шмиттер Ф. Размышления о гражданском обществе и консолидации демократии // Полис. 1996. № 5. С. 16–27.

⁵ См.: Мельвиль А. Ю. Демократические транзиты (теоретико-методологические и прикладные аспекты). М., 1999. С. 68–70.

Поступила в редакцию 06.07.08.

Наталья Владимировна Скок – кандидат политических наук, заведующая кафедрой гуманитарных дисциплин Белорусско-Российского университета (г. Могилев).